

Судебная реформа: суды нового поколения

В.Ф. Яковлев

Нынешняя судебная реформа — это вторая большая в истории России судебная реформа. Первая началась в 1864 г., ее назвали великой судебной реформой. Я попытался сопоставить то, что происходит сегодня в России, с тем, что было во второй половине XIX в. для того, чтобы извлечь уроки из той реформы и предпринять шаги, направленные на то, чтобы нынешняя реформа была более эффективной.

При этом меня поразило несколько обстоятельств. Во-первых, то, что эти две реформы оказались удивительно схожими по общим условиям, которые существовали в обществе тогда и которые существуют сегодня. Тогда Россия переходила к капиталистической экономике, шли крупные экономические преобразования. Реформа 60-х годов XIX в. начиналась с работы Ленина «Развитие капитализма в России». А что мы делаем сейчас? В общем-то, делаем то же самое. Как бы на совершенно другом уровне, витке, но в нашей стране происходят те же процессы — переход к частной собственности, товарно-денежному хозяйству, рыночному хозяйству. И следовательно, реформы — государственные, политические, судебные — составные части более широкого процесса. Здесь все взаимосвязано. И сама судебная реформа, и правовая реформа — это отражение потребностей, связанных с коренным переустройством общества вообще, его фундаментов и экономики. Это первое совпадение.

Второе. Я убедился, что и та, и нынешняя реформа совпадают по основным целям и по средствам достижения этих целей. Судебная реформа 1864 г. идеологически началась с декабристов, потому что в их проектах уже была заложена судебная реформа. Имелось в виду создание самостоятельной, независимой судебной власти как обязательного элемента цивилизованного гражданского общества. Потребовалось несколько десятков лет, прежде чем эти идеи воплотились в государственные акты, которые составили содержание судебной реформы 1864 г.

Я думаю, то же самое происходит в России и в наши дни. Еще в недрах советского общества мы, юристы, которые думали над нашей экономикой, над тем, какую роль должно играть право, пытались утверждать товарно-денежные отношения, гражданское право как регулятор товарно-денежных отношений и, разумеется, настоящее, подлинное правосудие, осуществляемое самостоятельной властью — независимым судом, как обязательный фактор утверждения права — главного регулятора экономических отношений. Цель-то понятна, а вот как ее достичь? И здесь подходы двух реформ по своим принципам и механизмам в значительной степени тоже совпадают.

Хочу сказать о некоторых различиях. Самое главное различие состоит в том, что те преобразования — экономические, государственные, судебные — происходили в условиях сильной государственности и полити-

ческой стабильности. Нам в этом случае повезло меньше, потому что наши реформы происходят в условиях политической и государственной дестабилизации, развала государственности, потому что государственность у нас олицетворялась Советским Союзом, который прекратил свое существование, и вследствие этого государственность ослабла, она в значительной степени перестала существовать. Это осложнило проведение экономических реформ. Может быть, все пошло бы несколько по-другому, если бы не было этой политической и государственной дестабилизации. Это обстоятельство надо учитывать. Ведь развал государственности, помимо всего прочего, означал, что в экономике вакуум был заполнен неправовыми подходами, даже криминальными элементами.

Отзвуки этих явлений и событий существуют и продолжают влиять на нас и сегодня. Поэтому одна из основных задач, на мой взгляд, в экономике, в экономических отношениях, в частности нефтегазового комплекса, состоит в том, чтобы преодолеть явления «теневого», неправового бизнеса, утвердить правовые начала, начала добросовестности во взаимоотношениях. И сделать так, чтобы только тот участник экономических отношений побеждал и выигрывал, который действует добросовестно и не пытается реализовывать свои интересы односторонним образом, нарушая при этом интересы других участников экономических отношений и достигая своих экономических целей по существу неправовыми средствами, хотя внешне может быть замаскированными под правовыми. Мне кажется, что это одно из наследий развала государственности и общей дестабилизации в стране.

Очень важно, чтобы мы общими усилиями эти последствия преодолели как можно быстрее. Эти явления затронули не только

сферу экономики; они, к сожалению, затронули и сферу государственности, отсюда распространение коррумпированности государственного аппарата, которая в какой-то степени затрагивают и судебные органы.

Теперь о средствах решения задач утверждения правового порядка и подлинного правосудия как важнейшего фактора правового порядка. Реформа 1864 г. покоилась на тех же основных принципах, на которых покоится и нынешняя судебная реформа. Судебной реформе в отличие от политической, экономической, может быть, повезло несколько больше, потому что была создана грамотная, профессионально подготовленная Концепция судебной реформы. Она была утверждена нашим парламентом того времени — Верховным Советом России — в октябре 1991 г. В дальнейшем судебная реформа осуществлялась в соответствии с этой Концепцией. Следовательно, в ней были заложены основные принципы судебной реформы.

То же самое происходило и в 1864 г., когда вначале были определены основные принципы судебной реформы, а затем подготовлены соответствующие законодательные акты, воплощающие эти принципы. Каковы же эти принципы? Первый принцип реформы 1864 г. — это отделение судебной власти от власти исполнительной. На современном языке это звучит как принцип разделения властей, закрепленный в Конституции РФ 1993 г. Власть не должна быть сосредоточена в одном месте, она должна быть разделена на законодательную, исполнительную и судебную. Только при этих условиях судебная власть может быть властью самостоятельной, независимой и реально осуществлять правосудие. Азбучное положение, но оно дается нам очень трудно. И сегодня эта задача до конца еще не решена. Итак, отде-

ление, говорилось раньше, теперь — разделение властей. Второй принцип — это самостоятельность и независимость судебной власти. Третий — это гласность и открытость судопроизводства, правосудия. Четвертый — это утверждение начал состязательности и равноправия сторон. Это действительно важнейшие принципы правосудия. Если они реализованы, то *есть* правосудие, если они не реализованы или реализованы не до конца, значит, и задача утверждения правосудия тоже решена не до конца.

Окружной принцип построения судов — это организационное отделение судебной власти от административно-территориального деления, по которому строится другая власть, прежде всего исполнительная. В России в результате реформы 1864 г. судами первой инстанции стали в основном так называемые окружные суды, которые обслуживали несколько уездов. Апелляционными инстанциями стали так называемые судебные палаты, которые обслуживали несколько губерний. В этом заключается окружной принцип построения судебной власти.

У нас этот принцип сейчас реализован не в полной мере. В судах общей юрисдикции он не реализован, в арбитражных судах реализован, но не до конца принцип реализован на уровне кассационных судов. В 1995 г. созданы 10 судебных округов и 10 кассационных судов. Сейчас мы его реализуем на уровне второй инстанции — апелляции, создаем 20 апелляционных судов. Два из них уже работают — в Москве и Московской области, третий — начал работать с 1 декабря 2004 г. в Санкт-Петербурге. В 2005 г. начнут работать остальные 17 апелляционных окружных судов.

Таким образом, окружной принцип является общим подходом и для той реформы, и для нынешней — внедрение полной апелляции и кассации. В России до реформы 1864 г. этого не было. И только в результате этой реформы появились суды первой инстанции, появилась полная вторая инстанция — апелляция — и появилась кассация. Вот трехин-

станционное построение. Это чрезвычайно важно, потому что это очень важная процессуальная гарантия для сторон. Воспримем ли мы этот принцип? Да, в арбитражных судах он реализован. У нас есть первая инстанция, полная апелляция (вторая инстанция) и кассация. Но недостаток нашей системы до последнего времени состоял в том, что у нас первая инстанция и апелляция находились в одном суде. Сейчас мы апелляцию организационно отделяем в виде окружных апелляционных судов, и, таким образом, наша судебная система приобретет законченный характер — суд первой инстанции, апелляционный суд и кассационный суд.

В связи с этим возникает вопрос о нашей четвертой инстанции — надзорной. Надзорная инстанция — это Высший Арбитражный Суд Российской Федерации. Нужны ли четыре инстанции, или нам следует иметь в нашей системе три инстанции? Дискуссии вокруг этого не прекращаются. Например, вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ Аксаков Владимир Борисович недавно выступил с небольшим комментарием. Он полагает, что все-таки должно быть три инстанции, а не четыре.

Для меня это вопрос очень важный. Я над ним долго размышлял и в конце концов пришел к твердому выводу, что в России должно быть четыре инстанции по следующему доводу. В результате реформы 1864 г. судебная система в России была построена по трехзвенному принципу. Окружные суды (первая инстанция), судебная палата (апелляция) и Сенат. Сенат воплощал в себе две ипостаси — кассационная инстанция и высшая судебная инстанция. К чему это приводило? Организационная судебная система в России была во всех отношениях хороша, кроме одного: Сенат со своими функциями не справлялся, за что постоянно подвергался критике со стороны специалистов, ученых и общества. Упрекали его за то, что Сенат не принимает к своему рассмотрению все кассационные жалобы. Один судебный орган на такую огромную страну, как Россия, не в состоянии принять все жалобы и рассмотреть

их. Не жалобы рассмотреть, а дело рассмотреть на основании жалоб. Один высший суд не в состоянии пересмотреть все дела по кассационным жалобам (это возможно только в совсем маленьких или средних государствах). Поэтому высшие суды вынуждены использовать какой-то принцип отбора, решать вопрос о приемлемости жалобы к принятию и рассмотрению по каким-то определенным критериям, зафиксированным в законе. И, следовательно, кассация носит ограниченный характер. Она недоступна для всех участников отношений.

В России идти на ограничение кассации сегодня не следует. Я думаю, что в России в области, в частности, сложнейших экономических споров, таких острых столкновений интересов, больших масштабов этих споров и т.д. не следует ограничивать стороны, лишая их возможности провести дело через кассацию. Вот почему я думаю, что кассация должна быть доступна так же, как доступны первая инстанция и апелляция.

Если бы мы превратили Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в суд третьей инстанции, то есть в кассационную инстанцию, то мы бы существенно ограничили кассацию вообще и сделали ее для сторон недоступной. Об этом свидетельствуют и количественные данные. Наши 10 кассационных судов в год рассматривают порядка 60 тыс. дел. Может ВАС РФ рассмотреть 60 тыс. дел? Сколько дел рассматривает в год Верховный суд США? До 100 дел никогда не доходит. 60 тыс. и 100 (!). ВАС РФ может рассмотреть порядка 300–500 дел, но никак не 60 тыс.

Имея в виду необходимость сохранения кассации в интересах сторон, я думаю, что функции кассации и функции высшей судебной инстанции должны быть разделены, потому что высшая судебная инстанция — это

была вторая функция Сената. Она призвана обеспечивать единообразие судебной практики по всей стране. С этой задачей Сенат и не справлялся. Если он работал как суд, который рассматривает кассационные жалобы и много дел в кассационном порядке, то ему не до обеспечения единообразия, ему бы обеспечить единообразие в своей собственной работе, но уж никак не в масштабах страны. Поэтому его упрекали в том, что он не обеспечивает единообразия судебной практики. А когда Сенат начинал больше заниматься этой своей функцией, то он рассматривал меньше кассационных жалоб. У него не было возможности рассмотреть слишком много дел, решая задачу обеспечения единства судебной практики. Таким образом, эти две задачи несовместимы.

Вот почему мы пришли к выводу, что лучше иметь полноценную первую, апелляционную и кассационную инстанции, доступные для сторон, и еще одну высшую, четвертую, инстанцию, которая в основном решает задачи обеспечения единства судебной практики. Какими методами? Через рассмотрение отдельных дел, но дел прецедентного характера, имеющих определяющее значение для судебной практики в целом, обеспечивая тем самым единообразие практики 10 кассационных инстанций. В свою очередь эти 10 кассационных инстанций должны обеспечить единство практики на подведомственной им территории, а в их ведении находится 8–9 судов. Это вполне достижимая задача.

Таким образом, мы выстраиваем систему, которая будет действительно отлаживать единообразие судебной практики, что является незыблемым принципом надлежащего правосудия. Там, где нет единства судебной практики, нет подлинного правосудия, потому что там нет правовой определенности. Правовая определенность — это не только

качество права, это обязательное качество правосудия. Эту задачу мы сейчас решаем. Я не хочу сказать, что мы решили ее до конца, но мы создали судоустойчивые, судопроизводственные предпосылки для решения этой задачи.

Что еще роднит нашу реформу и реформу 1864 г.? В России по существу судебная реформа началась раньше 1864 г. Первый шаг был сделан еще в 1832 г. при Николае I. Он издал нормативные акты, которые послужили правовой базой для формирования коммерческих судов России. В России с 1832 г. появились коммерческие суды как система со своим Уставом торгового судопроизводства, т.е. со своим отдельным процессуальным кодексом. Система эта работала весьма эффективно. Работала она до 1917 г.

В процессе реформы 1864 г. коммерческие суды сохранились. Было много дискуссий: может быть, их ликвидировать, может быть, присоединить к судам общей юрисдикции. В результате этих дискуссий пришли к выводу, что коммерческие суды следует оставить самостоятельными. Тем более, начинались экономические преобразования, возникали новые экономические отношения, появились акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью, товарищества на вере, ценные бумаги, вексель, банкротство, т.е. то, чего раньше в России не было. Чувствуете, что все это очень знакомо, как будто мы из того времени перенеслись сразу в наше время. Именно поэтому коммерческие суды сохранили, понимая, что если все эти сложнейшие споры с акционерными обществами, ценными бумагами, внутрикорпоративными столкновениями будут переданы в суды общей юрисдикции, то там надлежащее профессиональное рассмотрение им не будет обеспечено. Вот почему система коммерческих судов, созданная в 1832 г., сохранилась и после реализации реформы 1864 г., и они просуществовали до 1917 г.

Сейчас у нас время от времени снова можно встретить рассуждение относительно того, зачем нам две судебные системы. Давайте соединим. Надо ли это делать? В Ка-

захстане слили, много они от этого выиграли? Во-первых, Казахстан потерял опытные кадры — судей, они переехали в Россию в результате ликвидации и присоединения арбитражных судов к судам общей юрисдикции, многие судьи приобрели российское гражданство и стали судьями России. То же самое произойдет в России, если мы сейчас начнем присоединять арбитражные суды к судам общей юрисдикции. Я убежден, что наши лучшие судьи уйдут в коммерческие структуры, на большие деньги. Сейчас денег у них меньше, но они работают. Они работают, потому что это привычное для них дело, они профессионалы и по многим другим причинам. Но они не станут работать, если мы проведем такую реорганизацию. Всегда надо думать о том, чтобы не навредить. В Казахстане потом пришлось воссоздавать коммерческие суды, экономические суды, межрайонные суды. Сейчас они почти воссозданы.

В 1993 или 1994 г. я присутствовал на ежегодной конференции Американской ассоциации юристов, которая объединяет несколько сотен тысяч ведущих американских адвокатов, и там меня попросили выступить и рассказать о коммерческих судах России, именно об арбитражных судах. Я поделился своими размышлениями, и эти юридические «тузы», которые обслуживают крупнейшие корпорации, спросили меня: почему в России бизнеса мало, а коммерческие суды есть, а в США бизнеса много, а судов для предпринимателей нет? И действительно, последнее время в США наблюдается тенденция создания коммерческих судов или коммерческих палат в судах штатов. Я получил недавно справку из нашего посольства. Во многих штатах созданы такие суды, и я думаю, что не без нашего примера и влияния.

Чем мотивируется и каковы цели создания коммерческих судов в Соединенных Штатах Америки? Первая цель — повысить качество рассмотрения коммерческих споров, потому что для разрешения сложнейших споров в области оборота ценных бумаг, при рассмотрении корпоративных конфликтов требуется специализация судей.

В условиях судов общей юрисдикции она труднодостижима, следовательно, качество рассмотрения дел, качество выносимых решений этого требует. Вторая причина — более быстрая обработка информации в этих судах, оснащенных современной техникой, программным обеспечением и пр., которые специально вырабатываются для этих судов. Третья — быстрота разрешения споров, потому что эти коммерческие споры находятся не на десятом месте по значимости после уголовных дел, жилищных, трудовых, семейных, а стоят на первом месте, потому что других споров просто нет. Здесь рассматриваются только коммерческие споры. В результате всего этого, я думаю, процесс в США пойдет дальше. Поэтому нам следует очень вдумчиво относиться к этим вопросам.

Недавно я прочитал мнение одного уважаемого профессора, который говорит, что нам надо судебную систему России перестроить по модели американской системы, которая состоит из судов штатов и федеральных судов. И нам надо сделать так же, чтобы большую часть судов составляли местные суды, суды субъектов Российской Федерации, и только какая-то небольшая часть судов должна быть представлена федеральными судами. Я с этим категорически не согласен. Мы с самого начала исходили из того — и в законодательстве заложен такой подход, — что все коммерческие (арбитражные) суды должны быть федеральными, но никак не региональными. Потому что сам характер отношений, который мы обслуживаем, не региональный. Экономические связи не имеют границ, это сквозные отношения. Мы рассматриваем споры между предпринимателями, находящимися во Владивостоке и Москве и т.д. Не должно быть никаких региональных судов, а только федеральные суды, потому что только они в со-

стоянии обеспечить независимость, самостоятельность по отношению к местным властям, которые очень любят управлять судами. Поэтому нам нельзя нарушать принцип федерализма в построении коммерческой судебной системы. То же самое в Америке. У них там отдельные суды по банкротству, это отдельная судебная система. Суды по банкротству — это федеральные суды, которые рассматривают до полутора миллиона дел. Значит, арбитражные суды должны быть федеральными.

Как ни странно, нынешние проблемы судебной реформы аналогичны проблемам реформы 1864 г. В 1904 г. исполнилось 40 лет судебной реформы 1864 г. и тогда были подведены итоги этой реформы — публикации, анализы, размышления, справки и т.д. 50-летие реформы уже не отмечалось, потому что началась война 1914 г. На этом закончилась не только реформа, но и судебная система России. В 1904 г. констатировалось, что судебная реформа пережила в течение 40 лет взлет и падение.

Постепенно от принципов и механизмов судебной реформы стали «отщипывать» то, что было сделано вначале. Есть две причины, которые для нас представляют исторический урок. Первая — исполнительная власть того времени считала, что суды стали слишком самостоятельными и пора их немножко укоротить. Исполнительная власть — это всегда самая сильная власть, и если ее не урегулировать правом и не обеспечить его соблюдение, она обязательно начнет отщипывать что-нибудь от других ветвей власти. Тогда в России, к сожалению, так и произошло. Я боюсь, что и сейчас мы наблюдаем похожие явления. Например, последнее предложение в отношении квалификационных коллегий судей. Очень прискорбно, что здесь угроза исходит не от исполнительной,

а от законодательной власти. Это первая проблема, и опасность ее надо иметь в виду.

Вторая очень серьезная проблема — это проблема ответственности судей. Для того чтобы судейский корпус устоял, сохранил свою самостоятельность и независимость, он должен быть ответственным. Сам судейский корпус должен найти в себе силы, волю, мужество и чувство ответственности перед обществом за состояние правосудия. Судей обвиняют в коррумпированности, во взяточничестве. Я думаю, что когда говорят о коррумпированности судейского корпуса в целом, то это не только преувеличение, это зачастую неправда, потому что я знаю, что большинство моих коллег — это честные люди; но я не могу утверждать, что среди нас нет ни одного взяточника. Я не могу этого утверждать, хотя очень хотел бы. Лично я и мои коллеги принимают все меры к тому, чтобы взяточников выявлять и изобличать. Вор должен сидеть в тюрьме и взяточник тоже. Это наш принцип. Добрались мы этого? Я думаю, нет. Нам надо над этим работать и изыскивать пути, средства и т.д. Здесь должны сочетаться моменты разного порядка. С одной стороны, надо не размыывать статус судей, а повышать его, и это генеральный путь преодоления явлений коррумпированности, в том числе повышать заработную плату судей, причем резко.

В судах общей юрисдикции, военных судах, арбитражных судах на сегодняшний день работает меньше 24 тыс. судей. Для огромной страны это мизер, и, конечно, эти люди могли бы быть материально хорошо обеспечены, для того чтобы не было никаких соблазнов, возможностей подступиться к судье. Это один фактор. Другой фактор — ответственность, государственная дисциплина, ответственность за решения, которые я называю странными. Я, например, предпринял уже несколько действий, направляя материалы в прокуратуру, требуя проведения расследований поведения отдельных судей на предмет привлечения их к ответственности. В последнее время прекращены полномочия ряда судей по порочащим основаниям, в том числе

председателей судов субъектов Российской Федерации, и даны санкции на привлечение к уголовной ответственности ряда судей. Может быть, нужно обязательное декларирование судьями своих доходов, расходов, имущественных приобретений и т.д.

Судьи должны быть открытыми и прозрачными во всех отношениях. В конечном счете, судейское сообщество поймет, насколько это важно для него самого, и сможет преодолеть эти позорные явления. Но здесь нам нужны союзники: честные предприниматели и юристы, представляющие коммерческие структуры. Это наши партнеры. Представлять в коммерческие структуры должны честные юристы, а не те юристы, которые по существу являются преступниками, и, прикрываясь званием юриста, выступают посредниками дачи взятки между одним преступником и другим преступником — судьей. Это чрезвычайно важно, и мы общими усилиями обязаны решать эту задачу.

Существует и проблема доступности правосудия. Суды перегружены. 10 лет назад мы в год рассматривали 200 тыс. дел, в этом году мы рассмотрим более 1 млн дел, т.е. в пять раз больше. Количество судей за это время увеличилось в два раза. Нагрузка на судей увеличилась в три раза. Если 10 лет назад судья в среднем в месяц рассматривал 15 дел, то сегодня — порядка 50 дел. Ясно, что это создает препятствия для доступа к правосудию. Эту серьезную проблему можно решать двумя способами. Первый — экстенсивный способ, т.е. пытаться увеличивать количество судей, специалистов, помощников, но для этого нет площадей, нужно строить новое судебное здание и т.д. Это огромные деньги. Бюджет не найдет их за короткий срок. Значит, надо искать другие пути рационализации судопроизводства. И они есть.

Интересно, что во всем мире осуществляются реформы. Например, в Англии, в Страсбурге, несколько дней назад я познакомился с председателем Верховного суда Англии, Уэльса, знаменитым в Европе чело-

веком, лордом Вульфом. Он — автор современной судебной реформы в Англии. Судебная реформа в Англии не называется судебной, а называется реформой Вульфа. Он предложил рационализировать английское судопроизводство, в том числе по коммерческим делам. Именно по коммерческим делам эта рационализация осуществляется наиболее разумно, интересно и эффективно. Что это за рационализация? Это то, что мы сейчас делаем.

Все идеи этой реформы заложены в нашем нынешнем Арбитражном процессуальном кодексе РФ — это досудебное урегулирование коммерческих споров, в том числе административных споров, это использование посреднических процедур, мировых соглашений, это альтернативные методы разрешения споров: третейский суд и коммерческий арбитраж. У англичан это называется урегулирование споров на ранней стадии судопроизводства. Это означает такое совместное построение работы сторон и судьи, при котором, прежде чем будет вынесено решение по делу, стороны вместе с судьей должны предпринять все усилия для того, чтобы урегулировать конфликт более мягким, быстрым и дешевым способом, а именно: наладить переговоры уже в рамках государственного судопроизводства, провести переговоры, попытаться найти компромиссный вариант, может быть, даже с участием посредников извне, но под некоторым контролем суда, заключить мировое соглашение, использовать ускоренные упрощенные формы судопроизводства. Они в нашем Кодексе заложены.

Все это позволит серьезно разгрузить суды, потому что в высоком коммерческом суде Англии судебное решение выносится только по 20% из числа возбужденных дел, а 80% дел до судебного решения не доходит.

Они заканчиваются на стадии подготовки дела, где судья Англии играет активную роль. Англия — родина состязательности. Сейчас в результате реформы Вульфа от состязательности не отошли, но она стала организованной состязательностью. Состязательность организует суд. В результате этого состязательность становится реальной, эффективной, равной, открытой, справедливой, честной и дает результаты.

В результате этой состязательности, когда стороны вместе с судом собирают весь пакет доказательств, аргументов и видят, что все прозрачно, — все аргументы, весь доказательственный багаж другой стороны, — сопоставляют его со своим и начинают принимать меры к урегулированию конфликта. Истец, видя, что он не прав, отзывает исковое заявление. Ответчик, видя, что он не прав, добровольно исполняет свои договорные обязательства. Стороны, видя, что каждая из них в чем-то права, а в чем-то не права, ищут компромисс и заключают мировое соглашение, и только 20% дел остается на рассмотрении суда, и суд выносит решение. К такому идеалу мы должны стремиться, такие судьи нам нужны и такие представители сторон нам нужны. Вот тогда споры будут разрешаться более справедливо, быстро и дешево.

В английских судах часто используется экономический кнутик: если ты затягиваешь дело, то ты удлиняешь процесс, и если ты не прав в споре (обычно неправая сторона удлиняет процесс, а правая стремится к скорейшему разрешению дела), ты будешь за все платить: ты не только проиграешь дело, но заплатишь другой стороне все ее расходы. Иногда эти расходы превышают сумму иска. Английское судопроизводство — это дорогое судопроизводство. Адвокаты дорого стоят, да и у нас они стоят недешево. Так что

этот кнутик мы тоже будем использовать для того, чтобы споры разрешались быстрее, дешевле, эффективнее.

И, наконец, последний фактор — это всестороннее обеспечение деятельности судов: материально-техническое, кадровое, информационное. Без этого современная судебная система эффективно работать не может. Я назвал уже две причины «затухания» реформы 1864 г. Первая — это то, что исполнительная власть «пощипывала» судебную систему, вследствие этого нарушались принципы судебной реформы, а вторая причина — не менее важная в истории России — финансовые затруднения, недостаток бюджетных ассигнований на деятельность суда. В начале реформы 1864 г. судьи получили высокую заработную плату, и в судьи на волне воодушевления идеями судебной реформы, а также высокой заработной платой пришли лучшие юристы и умы России. Сегодня лучшие умы России в судьи не идут. Пока мы этого не добьемся, правосудие не будет на том уровне, который необходим. Действительно, необходимо всестороннее обеспечение деятельности судов.

У нас сегодня есть Федеральная целевая программа развития судебной реформы на 2002–2006 гг. Это программа инвестиций. В результате реализации этой программы в арбитражных судах финансирование с 2002 по 2004 гг. увеличилось в пять раз. Это хорошо, но этого мало. Если фактор финансовых затруднений будет довлеть над нами, то судебная реформа тоже реально осуществляться не будет. Как видите, утверждение права в экономике и судебная реформа — это наше общее дело. Поэтому было бы неплохо, если бы мы не на словах, а по-настоящему сотрудничали, были бы взаимно открытыми и помогали друг другу. Разумеется, каждый решает при этом свои задачи. Задача адвоката — успешно представлять интересы представляемой стороны, задача суда — обеспечить вынесение обоснованного, законного, справедливого судебного решения. Одним словом, сделать все то, к чему призывал Александр II.

Я хочу привести слова, содержащиеся в указе, в котором царь объявил о начале реформы 1864 г. Они актуальны и для сегодняшнего дня.

«По вступлении на прародительский престол одним из первых наших желаний, всенародно возвещенных в Манифесте 19 марта 1856 г., было: «правда и милость да царствуют в судах». С того времени среди других преобразований, вызванных потребностями народной жизни, мы не переставали заботиться о достижении упомянутой цели посредством лучшего устройства судебной части».

Далее он говорит о проектах, которые были подготовлены:

«Рассмотрев сии проекты, мы находим, что они вполне соответствуют желанию нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе нашем то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего».

Вот цели тех преобразований, той реформы. Было бы хорошо, если бы эти цели руководили всеми нашими помыслами и действиями тех, кто находится на государственной службе, и просто граждан России.

Далее мы публикуем вопросы, которые задавались В.Ф. Яковлеву после его доклада на 4-ой Международной научно-практической конференции «НефтьГазПраво/RusEnergyLaw Week2004».

Вопрос. Как Вы относитесь к тому, что, например, в решениях Конституционного Суда РФ прослеживается такая тенденция: нередко они перехватывают инициативу у Высшего Арбитражного Суда?

Ответ. Вы затронули одну из серьезных проблем, потому что в США один Верховный суд, и, говорят, там таких вещей быть не может. Поэтому давайте мы объединим все суды в один, тогда у нас таких проблем не будет. Я смотрю, как дей-

ствует судебная власть в США и сопоставляю ее с тем, как она действует в Германии, где шесть высших судов. Оказывается, в Германии она действует весьма эффективно. Эффективность может достигаться различными способами. Совсем необязательно объединение в одну кучу.

Что здесь необходимо и что мы до конца не решили? То, о чем вы говорите, это отражение нерешенности проблемы, а состоит она в том, что когда существует несколько судебных подсистем, несколько высших судебных органов, то должно существовать: первое — четкое разграничение полномочий, второе — механизм устранения возникающих противоречий. Как бы четко компетенция ни была разграничена, противоречия могут возникать все равно, потому что есть перекрывающаяся сфера и т.д. Это неизбежно. Особенно в трактовке применения общих правовых понятий, таких как мера защиты, ответственность, основания ответственности, вина, противоположность и т.д. Этого у нас нет.

Мы с Верховным Судом РФ наладили это взаимодействие. Может быть, потому, что мы сотрудничаем на равных. Мы более четко разграничиваем нашу подведомственность и сотрудничаем в принятии общих разъяснений. Мы принимаем совместные постановления Пленума по вопросам Гражданского кодекса, Закона об акционерных обществах и т.д. Этот механизм у нас в праве отсутствует, но мы сами его создали, и он неплохо работает.

С Конституционным Судом РФ у нас ничего подобного нет, потому что он стоит как бы особ-

няком. Я говорил своим коллегам из Конституционного Суда, что не мешало бы им самим подумать над тем, где границы их полномочий. Что, их полномочия безграничны? Это опасная вещь, они будут подменять другие высшие суды. Что такое конституционность законов? Где границы этой конституционности? Исходя из анализа практики Конституционного Суда, я берусь найти конституционность в любом споре, который разрешается арбитражным судом. Любой спор, например, спор о собственности (а собственность это как будто бы конституционная категория), я могу подвести под компетенцию Конституционного Суда. Поэтому, на мой взгляд, здесь проблема не личностная, не субъективная, а, скорее, проблема уточнения компетенции, более четкого разграничения, в частности, определения границ компетенции Конституционного Суда. На мой взгляд, эта задача до конца не решена.

Я интересовался, существует ли эта проблема в Германии, где есть Конституционный суд и еще пять высших судов. Оказывается, у них тоже есть проблемы, хотя урегулировано лучше. Кроме того, у них есть механизм снятия противоречий, у них есть так называемый Большой Сенат, чего у нас нет. Во Франции тоже несколько высших судов, Конституционный совет, Государственный совет и Кассационный суд. Это три высших судебных инстанции. Так у них есть специальный конфликтный трибунал. Они снимают противоречия через этот конфликтный трибунал, через своих представителей, делегированных в этот трибунал.